

ПРОБЛЕМА МОРАЛЬНОГО ГЕРОИЗМА В ЭТИКЕ О.Г. ДРОБНИЦКОГО

Прокофьев Андрей Вячеславович — доктор философских наук, главный научный сотрудник сектора этики.

Институт философии РАН.

Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Аннотация. Анализируется решение проблемы морального героизма известным советским этиком О.Г. Дробницким. Суть проблемы состоит в том, что ценностно-нормативное содержание морали традиционно интерпретируется как всеобщее (универсальное), а моральный героизм парадоксальным образом предполагает совершение исключительных поступков или ведение исключительного образа жизни (одномоментные подвиги либо длительное альтруистическое служение). В современной этике моральный героизм характеризуется по преимуществу как форма сверхобязательного поведения, то есть поведения, имеющего высокую моральную ценность, но не вмененного моральному агенту в качестве должного (обязательного). Логическая возможность такого поведения обосновывается неполным совпадением между двумя классификациями действий — деонтической и аксиологической. Для критиков идеи сверхобязательного несовпадение классификаций тождественно противоречивому разрыву связи между благом (ценностью) и долгом. Дробницкий придерживается позиции, похожей на позицию критиков сверхобязательного. Для него долженствовательный момент морали обладает однозначным приоритетом над ценностным. Отсюда следует, что невозможно считать действие положительным

в моральном отношении и не рассматривать его в качестве исполнения требования (морального долга). Таким образом, можно сделать вывод о том, что идея сверхобязательного несовместима со строгим объективизмом, универсализмом и императивизмом Дробницкого. Однако, несмотря на это, философ считает моральный героизм неотъемлемой частью морального опыта и продуктом неизбежной индивидуализации морального требования. Для Дробницкого моральный героизм и родственное ему явление — подвижничество — выступают трансформациями морального долга в особых, экстремальных ситуациях. Моральный герой исполняет дополнительные обязанности и по этой причине поступает частью своих прав; он также способен действовать в тех случаях, когда исполнение морального принципа требует от него существенных жертв, но не влечет за собой очевидного морально значимого результата в близкой временной перспективе.

Ключевые слова: мораль, этика, моральный героизм, подвижничество, сверхобязательное, благо, ценность, долг, О.Г. Дробницкий.

Ссылка для цитирования: Прокофьев А.В. Проблема морального героизма в этике О.Г. Дробницкого // Человек. 2024. Т. 35, № 3. С. 24–43. DOI: 10.31857/S0236200724030023

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике О.Г. Дробницкого

Индивидуализация универсального и объективного требования у Дробницкого

Известный советский этик Олег Григорьевич Дробницкий (1933–1973) может быть охарактеризован как строгий императивист, универсалист и объективист. Все эти характеристики его мысли можно проиллюстрировать на множестве примеров из его докторской диссертации «Моральное сознание. Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности. Критика буржуазных концепций морали» [Дробницкий, 1969], фундаментальной монографии «Понятие морали. Историко-критический очерк» [Дробницкий, 1974] и нескольких отдельных работ [Дробницкий, 1970; 1971; 1977]. Для О.Г. Дробницкого содержание морального сознания, то есть «мыслительные формы, [которые] отражают механизмы нравственной регуляции, характерные для нее способы детерминации и мотивации деятельности», представлено исключительно «разными модификациями нравственного требования к человеку» [Дробницкий, 1977: 40]. Именно нравственное требование философ называет «первичным элементом нравственного сознания», его «единицей», «кирпичиком», «клеточкой» [Дробницкий, 1969: 538].

Ключевое свойство этого «первичного элемента» — его всеобщий характер: «требование, предъявляемое к отдельному лицу

в конкретной ситуации, обязательно в отношении всякого другого, кто мог бы оказаться на его месте. И если оценивается поступок этого человека, то оценка может считаться собственно моральной лишь в том случае, если такие же критерии приложимы ко всякому другому лицу» [Дробницкий, 1977: 43]. Кроме того, моральное «требование внесубъектно (объективировано) в том смысле, что оно не основывается на исключительном авторитете того лица, которое выражает его в данном случае, а правомерно и безотносительно к его воле» [там же: 43]. Отсюда следует, что «субъективные оценки и воззрения людей могут быть истинными или ложными, т.е. соответствовать [или не соответствовать] объективным моральным требованиям. С этой точки зрения можно обосновывать или отвергать чьи-то нравственные убеждения в зависимости от того, отвечают они или противоречат действительным законам человеческой нравственности» [Дробницкий, 1974: 89]. То же самое касается не только убеждений, но и поступков, хотя в последнем случае имеют место уже не согласие и несогласие («обоснование» и «отвержение»), а одобрение и осуждение.

Дробницкий хорошо понимает, что именно всеобщий характер и объективность моральных требований являются главными приводными ремнями морали, условиями ее действенности. Индивид принимает к исполнению моральные требования именно потому, что признает их объективность и всеобщность, то есть не рассматривает их как чье-либо субъективное предписание и не делает для себя исключений. К чему бы ни пыталась принудить индивида «локальная общность», что бы она ему ни вменяла, «веление и оценка должны быть обоснованы как “истина”, которую должен принять, признать и осознать субъект действия» [там же: 335].

Конкретизируя всеобщность моральных требований, Дробницкий выделяет три основных аспекта. Первый состоит в том, что все люди равны между собой перед лицом требований морали: «все люди — в принципе, в каком-то самом абстрактном смысле — имеют равные обязанности, одинаково ответственны за выполнение каких-то общих норм... поступки любого человека должны оцениваться эквивалентно, соответственно содеянному (“справедливо”, “непредвзято”, “не взирая на лица”»)» [там же: 313]. Второй аспект выражается в универсализации частных моральных суждений (велений и оценок). «Частное веление» морально, только когда «оно могло бы быть обращено к любому другому человеку, если бы он находился в таком же положении»; «частная оценка» моральна, только когда «подобным образом следует оценить точно такие же поступки других людей» [там же: 318]. Третий аспект формируется на основе необходимой связи прав и обязанностей: все люди до определенной степени обладают не только

одинаковыми обязанностями, но и равными правами [там же: 314] (проблему универсальности у Дробницкого подробно рассматривает Р.Г. Апресян* [см.: Apressyan*, 2021]).

Несмотря на свой строгий универсализм и объективизм, Дробницкий чувствителен к проблеме индивидуализации моральных требований. Это неизбежно, поскольку любой глубокий теоретик морали не может не учитывать того обстоятельства, что моральные требования исполняют именно обладающие сознанием индивиды, а моральная практика в значительной мере есть практика самообязывания. В категориях, используемых Дробницким, объект морального требования является также и его субъектом. В истории этики предельно ясное осознание данного обстоятельства проявилось в моральной философии И. Канта, поэтому Дробницкий неоднократно подчеркивает эвристическую ценность кантовской идеи самозаконодательства [см.: Дробницкий, 1974: 90, 119, 283, 291].

Вместе с тем советский этик указывает на потенциальную проблематичность и противоречивость совмещения объективности и всеобщности морального требования с его индивидуализацией. Две из пяти выделенных Дробницким «антиномий в понятии морали», которые возникли в истории этической мысли и определили состояние буржуазной этики второй половины XX века, имеют именно такой исток. Антиномия всеобщего и особенного формируется в связи со столкновением свойственной всем нам уверенности в том, что мораль есть сфера общечеловеческих требований, и факта существования множества частных моральных убеждений (индивидуальных и групповых) [там же: 92–97]. Антиномию объективного и субъективного создает столкновение всеобщей уверенности в том, что мораль есть «предданный всякому выбору принцип» и «абсолютная система координат», и столь же всеобщей уверенности в том, что в морали полагается индивидуальная воля [там же: 89–92].

Несмотря на использование слова «антиномия», Дробницкий убежден в том, что у марксистской этики достаточно ресурсов для снятия охарактеризованных им противоречий. В этой связи философ тщательно анализирует процесс, в ходе которого «требования в морали переходят в иную, личностно-субъективную форму выражения, где выступают уже как специфическая задача субъекта действия, за выполнение которой он сам ответствен и которую он должен особым образом осознать, мотивировать для себя и обосновать “внутренне”, субъективно» [там же: 340]. Данный анализ перехода «общего», а также «общественного» в «индивидуальное» выстроен как исследование череды взаимосвязанных этических

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

категорий (от моральной нормы до совести) [см.: Дробницкий, 1969: 718–815; 1977: 45–68].

Хотя основной тезис Дробницкого, касающийся индивидуализации, состоит в том, что в ходе ее индивид «не полагает какие-то уникальные нормы и принципы человеческого поведения, а лишь принимает те или иные из существующих принципов в свое собственное руководство», в его анализе этого процесса проскальзывает мнение, что результаты превращения принципов в руководство к действию все же в чем-то различаются для разных индивидов [Дробницкий, 1974: 341]. Другими словами, индивидуализация в сфере морали имеет для философа и содержательное измерение. В монографии Дробницкого, в главе, посвященной итоговому теоретическому представлению специфики морали (нравственности) в сравнении с другими формами нормативной регуляции, есть параграф «Границы значимости нравственного требования». В нем, возвращаясь в очередной раз к проблеме всеобщности, Дробницкий пишет: «Всякая вообще моральная обязанность применительно к определенному субъекту действия выступает как в каком-то смысле индивидуальная, своеобразная, отличная от общего правила: она зависит от конкретной жизненной ситуации, в которой находится данный индивид, и от того, какого рода он человек» [там же: 299].

Настоящая статья касается именно содержательных аспектов индивидуализации в сфере морали, а если более конкретно — то индивидуализации морального требования в случае морального героизма. Примечательно, что саму формулировку «моральный героизм» Дробницкий не применяет, но при этом, оперируя понятием «герой», подчеркивает, что обсуждает лишь «моральные аспекты» последнего. Герой у Дробницкого — особое «воплощение... морально-позитивных качеств человека» [там же: 326]. Данное обстоятельство, на мой взгляд, позволяет использовать привычное для современной этической теории понятие морального героизма в ходе исследования этики Дробницкого. Для ученого такой героизм связан именно с индивидуализацией морального требования и индивидуальным характером конкретных нравственных задач. К примеру, упоминание подвига, героизма и самопожертвования непосредственно предшествует утверждению, приведенному в конце предыдущего абзаца [там же: 299]. Однако прежде чем подробно обсуждать проблему морального героизма в этике Дробницкого, мне представляется уместным развернуть более широкий теоретический контекст, касающийся интерпретации морального героизма в этике в целом. На таком фоне будет более отчетливо видна специфика позиции Дробницкого.

Моральный героизм и сверхобязательные действия

Моральный героизм рассматривается в современной этике в основном не просто в контексте индивидуализации требований, а в контексте проблемы так называемых сверхобязательных, или сверхдолжных, действий. Будучи унаследована этической теорией XX–XXI веков от моральной теологии Средневековья и раннего Нового времени, эта проблема, однако, не является исключительно проблемой религиозного или даже христианского морального сознания. На интуитивном уровне большинство людей признают то обстоятельство, что мораль не требует от человека абсолютного самопожертвования и обязательное содействие благу другого (такова формула, обобщающая содержание моральных требований) осуществляется моральным агентом в каких-то более или менее определенных границах. Моральные требования таковы, что они ограничивают естественное стремление агента к собственному благу, но в итоге подобного ограничения это стремление получает правомерное пространство для реализации.

Проблема сверхобязательных действий имеет меньшее значение для той части морали, которая связана с запретами. Хотя и здесь мы встречаемся с данной проблемой. Например, кто-то может отказаться от силовой самообороны для того, чтобы исчерпывающим образом исполнить запреты на причинение вреда другому человеку и применение к нему силы. Указанная линия поведения соответствует общей направленности и конечному назначению этих запретов. Однако, согласно общераспространенным моральным убеждениям, способный защитить себя, но отказывающийся от самообороны индивид приносит гораздо большую жертву, чем та, которую он обязан принести. В сфере выполнения позитивных моральных предписаний проблема сверхобязательных действий присутствует постоянно и повсеместно. Ведь людей, нуждающихся в нашей помощи и заботе, бесконечно много. Бессчетное число чужих страданий всегда находится в пределах досягаемости для наших действий, которые могли бы их прекратить или смягчить. Соответственно, жизнь, без остатка посвященная делам помощи и заботы, — вполне реальная перспектива, одна из опций для каждого, кто выбирает свой жизненный путь. Определение морального статуса такой жизни стоит на повестке дня каждого, кто всерьез принимает во внимание ориентиры поведения, заданные моралью. А для этической мысли это важная теоретическая проблема.

Итак, если полностью посвященная делам помощи и заботы жизнь — это моральный долг, а уклонение от подобного образа

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

жизни — проявление слабости, достойное осуждения, то такое явление, как сверхобязательные действия, попросту немислимо, а моральный героизм не может быть не чем иным, кроме как исполнением моральной обязанности. Естественно, что подобная позиция требует прозрачного и убедительного объяснения специфики героического долга в сравнении с долгом негероическим. Если же полностью посвященная делам помощи и заботы жизнь рассматривается в качестве достойной одобрения или восхищения, но все же необязательной и отказ от нее не вызывает осуждения, сопровождающего любые нарушения обязанности, то она находится именно в области сверхобязательного. Моральный героизм в данном случае тождествен систематическому совершению сверхобязательных действий или же совершению такого единичного сверхобязательного действия, которое включает полное самопожертвование. Второе проявление морального героизма (одномоментное альтруистическое самопожертвование) упоминалось мной выше в связи с отказом от самообороны, но его главные проявления связаны все же с облегчением страданий или спасением других людей. Наименее противоречивый способ объяснить соотношение обязанности и сверхобязательного таков: выполнение моральной обязанности дает выполнившему ее индивиду право на реализацию иных жизненных проектов, однако это такое право, от которого последний может свободно отказаться в пользу дальнейшего совершения поступков, соответствующих основной интенции морали.

Чтобы какой-то поступок имел статус сверхобязательного, необходимо неполное совпадение двух моральных классификаций действий. Первая опирается на критерии допустимости/недопустимости и обязательности/необязательности. В соответствии с ней все действия подразделяются на: 1) недопустимые и необязательные; 2) допустимые, но необязательные; 3) допустимые и обязательные. Вторая классификация берет за точку отсчета ориентацию действий на достижение блага или то условие, насколько они действительно ведут к благу. В соответствии с данной классификацией все действия подразделяются на: 1) плохие; 2) морально безразличные; 3) хорошие. Если границы между нишами двух классификаций не совпадают, то некоторые действия, ориентированные на достижение блага или ведущие к благу, то есть хорошие, оказываются в сфере допустимого, но необязательного. Поскольку это действия хорошие, у морального агента есть основание их совершить и они заслуживают одобрения. Но так как эти действия не представляют собой выполнение обязанности, отказ от их совершения не влечет за собой оправданного осуждения (общую характеристику феномена сверхобязательного дают

несколько авторов [см.: Heyd, 1982; Mellema, 1991; Flescher, 2003]). Сообразно преобладающему пониманию морального героизма героические действия носят именно такой характер. Они находятся в области личного усмотрения морального агента, то есть вполне оправданно воспринимаются внешним наблюдателем как то, что можно было бы и не совершать в какой-то конкретной ситуации.

Основными противоречиями идеи сверхобязательного и построенного на ее основе понимания морального героизма считаются следующие:

- наличие сверхобязательных действий расходится с такой характеристикой ценностно-нормативного содержания морали, как универсальность. Согласно самому определению сверхобязательных действий, их не должен совершать каждый, кто попал в типичную морально значимую ситуацию [подробнее см.: Прокофьев, 2022];

- необходимое для существования области сверхобязательного несоответствие классификаций влечет за собой вывод: существует нечто, что является благом, оно физически достижимо в рамках того состояния реальности, с которым сталкивается моральный агент, однако это обстоятельство не создает моральной необходимости совершать действия, направленные на достижение блага. В литературе данное парадоксальное положение обсуждается как разрыв «связи между благом и долгом» [см.: Heyd, 1982: 171–172; Flescher, 2003: 80–81];

- совершающие сверхобязательные поступки люди, в том числе моральные герои, сами часто рассматривают собственные действия в качестве исполнения обязанности, или такой обязанности, которая распространяется и на других людей («любой должен был бы сделать на моем месте то же самое»), или такой, которая носит сугубо индивидуальный, уникально-личностный характер («я должен, таково мое жизненное призвание») [Archer, 2015].

Обсуждая интерпретацию морального героизма Дробницким, я стремлюсь выяснить, соответствует ли она пониманию этого явления в качестве формы сверхобязательного поведения. И если не соответствует, то каким образом философ обеспечивает сохранение специфики морального героизма в сравнении с негероическими проявлениями морального опыта.

«Долженствовательный» и «ценностный» моменты морали у Дробницкого

Как уже было сказано, условием существования сферы сверхобязательного является неполное совпадение двух классификаций

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

действий — связанной с их обязательностью и допустимостью и связанной с их ценностью или способностью приносить в мир некое благо. В современной западной этике возрождение интереса к сверхобязательным действиям сопряжено именно с тем обстоятельством, что некоторые теоретики начали сомневаться в возможности создания на основе одной лишь первой классификации феноменологически точного описания ценностно-нормативного содержания морали [Urmson, 1958]. Дробницкий также анализирует два момента морали, которые коррелируют с двумя упомянутыми подходами к классификации действий. Он называет эти моменты «долженствованием» и «ценностным». Советский этик подробно обращается к их анализу в своей докторской диссертации (одна из ее глав посвящена этому полностью), несколько менее подробно — в монографии (один из параграфов последней главы), довольно бегло — в работе «Структура морального сознания» [Дробницкий, 1977] (изначально была опубликована в виде двух статей в «Вопросах философии» за 1972 год). В этой связи возникает вопрос: соответствует ли трактовка соотношения должного и ценного в морали, предложенная Дробницким, позиции тех теоретиков, которые обосновывают правомерность оценки каких-либо действий в качестве сверхобязательных? Краткий ответ: нет, не соответствует. Далее поясню, почему.

В докторской диссертации Дробницкий констатирует: «Во всякой моральной ситуации, когда возникает проблема выбора поступка, совершения действия, принятия какой-то позиции в отношении существующего положения вещей, уже совершенных поступков, оценки различных фактов и явлений социальной действительности и т.п., эта ситуация приобретает для нас собственно моральное значение потому, что при этом существует, вырабатывается, осознается некоторое *долженствование*, а также признается положительное или отрицательное *значение* существующих или только возможных фактов (*ценность*)» [Дробницкий, 1969: 210]. «Возможные факты», обладающие положительным моральным значением (ценностью), — это в том числе и результаты совершаемых нами поступков, и даже просто сами «возможные в будущем действия» [там же: 567]. Единство «ценностного» и «долженствованием» моментов морали Дробницкий называет «моральным требованием». Однако при этом ученый подчеркивает, что слово «требование» в данном случае используется им в предельно широком смысле, не тождественном словам «императив» или «долженствование». Дробницкий даже сетует, что язык не имеет более подходящего термина для выражения совокупности обоих моментов [там же: 210].

Различие между моментами очевидно, и на первый взгляд они предстают как совершенно самостоятельные явления. «В оценках, — пишет Дробницкий, — прямо не высказывается нравственная необходимость осуществления должного» [там же: 567]. Именно это обстоятельство ставит перед этической теорией вопрос о том, как моральные оценки и моральные веления связаны между собой. За их мнимой самостоятельностью могут стоять: 1) приоритет ценности (блага) над долженствованием; 2) приоритет долженствования над ценностью (благом); 3) действительное равноправие ценности и долженствования, сопровождающееся неразрывной связью в каждом конкретном случае моральной оценки. В этике были предприняты попытки обосновать все три варианта. Дробницкий критикует первый и колеблется между вторым и третьим.

В докторской диссертации и монографии Дробницкий ведет речь о приоритете долженствования над ценностью (благом). Решающим обстоятельством для установления именно такого приоритета для него оказывается то, что мораль опирается не на любые, а только на вмененные («истинные», «подлинные») потребности людей или их представления о благе. Раз человек должен видеть благо в том-то и том-то, то долженствование естественным образом предшествует оценочным моральным суждениям, а равно и ценностям, на которые они опираются. Другое выражение тот же аргумент получает в обсуждении Дробницким конфликтов ценностных убеждений. Если в морали имеет место приоритет ценностного момента, то, оказавшись в ситуации столкновения разных «интересов и идеалов», мы будем вынуждены выявлять среди них подлинные и неподлинные, истинные и ложные. Такие усилия или заходят в тупик, или требуют опоры на универсальный закон, определяющий систему обязанностей [там же: 451]. Казалось бы, тезис о приоритете должного над ценным (благим) должен стоять для Дробницкого под вопросом в силу того, что в пределе обобщения всех конкретных нравственных требований он все же обнаруживает ценность (буквально: «предельно общую нравственную ценность»). Однако, по мнению философа, пытаясь определить эту ценность, мы достигаем «предела анализирующей способности морального сознания» и наши попытки все равно завершаются обнаружением абстрактного долженствования. «Стало быть, — делает Дробницкий окончательный вывод, — ценное в конечном счете определяется в моральном сознании посредством долженствования, а не наоборот» [там же: 632].

В работе «Структура морального сознания» место диалектических сложностей, обсуждаемых в докторской диссертации и монографии, занимает более простая мысль о том, что долженствование

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

и оценка имплицитно всегда содержат друг друга. «В любой форме морального сознания, — пишет Дробницкий, — мы обнаруживаем должноствовательный и ценностный моменты, находящиеся между собой в том или ином соотношении, взаимно предполагающие и определяющие друг друга. “Добро” — это “требование внешней действительности”, то, что должно быть (именно так его определяли многие теоретики морали). То же самое “справедливость” — такое положение вещей, которое требует своего осуществления и считается благом. Такие понятия морали, как “честность”, “гуманность”, “мужество”, — это и то, что одобряется, оценивается положительно, и то, что вменяется в обязанность всем людям. Моральная норма эксплицитно содержит только предписание; но отступление от нее рассматривается как зло, а всеобщее исполнение — как благо. Напротив, оценка имплицитно содержит в себе и предписание (или воспрещение)» [Дробницкий, 1977: 42–43].

Ни более сложный вариант приоритета должноствования над ценностью, ни более простой вариант их «взаимного предположения и определения» не оставляют возможности для существования класса сверхобязательных поступков. Для этого потребовалось бы не просто признание приоритета ценности над должноствованием, но и признание дополнительного тезиса о том, что по каким-то причинам не все в мире моральных ценностей трансформируется в долг (обязанность). Сверхобязательное существует в связи с наличием в этом мире остатка, который воздействует на поведение людей напрямую и без обязывания. У Дробницкого, как мы увидели, нет даже первого тезиса, не говоря уже о втором. В докторской диссертации имеет место лишь утверждение, за которым можно было бы предположить отдаленно похожую структуру мысли. Оно касается не воплощения добра, а борьбы со злом: «Оценить нечто как зло не всегда значит прямо и категорически потребовать его устранения в самом ближайшем будущем и тем более настоящем» [Дробницкий, 1969: 545]. Однако причины этого «не значит» — не нормативные, а фактические (фактическая невозможность совершения действия, устраняющего зло). Кроме того, Дробницкий сразу же добавляет, что «и в этом случае... мыслится должноствование как отдаленная цель или идеальное пожелание на неопределенное будущее» [там же: 546].

Моральный героизм в интерпретации Дробницкого

То обстоятельство, что трактовка морального героизма на основе феномена сверхобязательного не свойственна и даже структурно

невозможна для Дробницкого, не означает выпадения из его поля зрения вопроса о героических проявлениях морального опыта. Время от времени философ обращается к теме героизма и подвига, обогащая ее применением понятия «подвижничество». Подобные обращения обнаруживаются в докторской диссертации, монографии, отдельных работах — не только в уже упоминавшейся «Структуре морального сознания», но также в словарной статье о подвижничестве [см.: Дробницкий, 1970] и статье «Научная истина и моральное добро» из коллективного сборника «Наука и нравственность» [см.: Дробницкий, 1971]. Сложность реконструкции позиции Дробницкого по вопросу о сущности морального героизма состоит в том, что это явление затрагивается им в разных контекстах и нигде не рассматривается в качестве самостоятельного предмета для анализа. Элемент неопределенности вносит и то, что героизм, подвиг, подвижничество анализируются Дробницким на фоне массового поведения, в отношении которого не всегда можно с уверенностью утверждать, о чем именно идет речь — о массовом поведении, определяющемся моралью с ее объективностью и всеобщностью, или же о массовом поведении, определяющемся обычаем, который обеспечивает простую общераспространенность тех или иных действий. Наконец, дополнительные трудности возникают по причине обсуждения Дробницким героизма как в контексте исторического становления морального сознания (архаический культ героев), так и в контексте его современного, «зрелого» состояния. К чему конкретно относятся некоторые характеристики героя и героизма, упоминаемые философом, бывает нелегко установить. Тем не менее я полагаю, что реконструкция взгляда Дробницкого все же возможна.

В докторской диссертации и монографии ученого есть два основных подхода к проблеме героизма и героической морали, их можно условно назвать историческим и теоретическим. Исторический подход касается архаического культа героев и его роли в формировании нравственного сознания. Культ героев, по Дробницкому, возникает в момент личностной дифференциации позднеродового общества и серьезных трансформаций обычной регуляции поведения человека, открывающих возможности для развития регуляции моральной. Этот культ привлекает внимание Дробницкого в качестве важного этапа в процессе появления «личностного» морального сознания, а также такого восприятия моральным агентом самого себя, при котором тот выступает не только объектом, но и субъектом требования, обращенного ко всем людям. Идея «моего долга» исторически появляется именно у героев древности, хотя идея «моей ответственности» не выражена у них очевидно [Дробницкий, 1969: 782–783; 1974: 299].

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

В рамках культа героев присутствует не только формальная, но и содержательная индивидуализация морального требования. В монографии Дробницкого есть прямое указание на то, что «различие в *содержании* массового, общепринятого и индивидуального, но столь же должного действия возникает исторически, в период еще только начинающейся дифференциации первобытного родового коллектива» (курсив мой. — А.П.) [Дробницкий, 1974: 325]. Именно эта фраза служит вступлением к обсуждению роли культа героев в становлении морального сознания. Герой, по мнению Дробницкого, — тот, кто может «совершать действия, недоступные для простых смертных», и одновременно является объектом стремления со стороны окружающих (которое, естественно, может быть успешным лишь в меру разрыва, существующего между героем и «простым смертным»). Герой — «исключительный человек», но в том смысле, что он «человек в высшей степени», «воплощение высших достижений человеческого рода в целом» [Дробницкий, 1969: 317]. Примечательно, что в подвигах героя Дробницкий видит именно выполнение моральных обязанностей. Эти ««обязанности»» выступают в преувеличенной степени, но тем не менее сохраняют свое общечеловеческое, всеобщее содержание»; «общеобязательность» героизма, замечает Дробницкий, специфична: она «имеет силу положительного примера и высшего образца», но при этом «не может стать повседневным правилом поведения большинства» [там же: 318]. Общая формула, выражающая моральный статус героя, такова: «всеобщность в принципе, но исключительность на практике» [Дробницкий, 1974: 326]. Философ понимает ее парадоксальность, поэтому утверждает, что героизм характеризует «противоречие между... гипотетической и реальной всеобщностью требования» [Дробницкий, 1969: 318].

Можно предположить, что приведенные выше характеристики героического в морали касаются лишь героизма, свойственного так называемому «героическому веку». Во всяком случае, Дробницкий указывает, что упомянутое противоречие «разрешается впоследствии в категории нравственного идеала — в понятии, в котором нравственный образец постепенно утрачивает черты гигантомании и становится «подвижником идеи»» [там же: 318]. Это заставляет обратить внимание на то, как философ понимает подвижничество. В словарной статье «Подвижничество» имеется определение этого термина: «...выполнение моральных обязанностей по отношению к другим людям вопреки крайне неблагоприятным социальным условиям или обстоятельствам личной жизни, враждебной окружающей среде и давлению извне, стойкое перенесение трудностей, тягот, лишений, самопожертвование» [Дробницкий, 1970: 238–239]. Сразу же за определением следует тезис, напоминающий замечание

из диссертации: «Исторически идея подвижничества возникает как антитеза героизму» [там же: 239]. У читателя возникают ожидания, что на фоне особенностей подвижничества Дробницкий даст какие-то пояснения, касающиеся специфики обоих явлений и ограниченности героизма «века героев».

Однако ожидания читателя не оправдываются. Противопоставление героизма и подвижничества оказывается важным для Дробницкого лишь в историческом контексте, причем касающемся исключительно раннего, архаического героизма. Более поздние, современные формы героизма подвижничеству уже не противопоставляются (к примеру, Дробницкий пишет, что «в революционных традициях нравственности», в том числе у Ленина и большевиков, подвижничество выступает формой героизма [там же: 239]). Если же вернуться от текста словарной статьи к тексту диссертации, то и тут мы так и не находим обещанного разрешения «противоречия между... гипотетической и реальной всеобщностью требования» [Дробницкий, 1969: 318], которое должно было бы произойти в разделах, посвященных идеалу, и быть связано с понятием «подвижничество». Эти моменты неопределенности, касающиеся истории героизма и его соотношения с подвижничеством, могут свидетельствовать о том, что специфика всеобщности и общеобязательности требований, обсуждаемая Дробницким в ходе исследования архаического культа героев, свойственна не только данному культу, но и моральному героизму как таковому. Фрагменты трудов ученого, посвященные сугубо теоретическому анализу героического в морали, такое предположение подтверждают.

В докторской диссертации теоретический анализ морально-го героизма интегрирован в обсуждение примеров отклонения от того поведения, которое соответствует моральному требованию, от поведения общераспространенного и массового. Указанное обстоятельство заставляет исследователя этики Дробницкого провести разграничение случаев, в которых тот обсуждает исключительно противостояние морали и обычая (моральный агент vs человек обычая, поступающий «как все»), и случаев, где предметом анализа ему служит некое противостояние внутри самой морали (моральный герой vs обыкновенный добропорядочный человек). Примеры, к которым обращается Дробницкий, таковы:

- выполнение «простейших норм общечеловеческой морали» в такой социальной среде, которая воспроизводит аморальность в качестве общественной нормы. Философ ведет речь о раннем капиталистическом обществе и о нацистском режиме в Германии, создавшем свои образцы массового поведения [там же: 238]. Выполнение «простейших норм общечеловеческой морали» в этих случаях не обязательно героическое. По крайней мере, Дробницкий

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

не упоминает об этом. Пример вполне можно считать иллюстрацией противостояния морали и обычая;

- «...случаи, когда моральное требование применительно к отдельному человеку (группе лиц, большой массе людей) обретает исключительный характер, повелевает ему действовать так, что это действие по самой своей природе не может стать общепринятой и обычной, постоянной практикой. Необходимость в таком действии может быть вызвана критическими социальными и частно-ситуационными обстоятельствами (условиями войны, революции, стихийного бедствия, обстановкой, создавшей угрозу чьей-то жизни)» [там же: 239]. Слово «героизм» здесь также не используется, однако описание заставляет видеть в выполнении «исключительного» требования именно его. Поясняющая сноска к этому примеру рассеивает сомнения в том, что описание относится именно к моральному героизму. Ее содержание требует отдельного анализа, который будет дан ниже;

- ситуации, в которых «моральное требование... предъявляется к какому-то индивиду в силу его повышенной дееспособности (его личного социального и духовного развития, знаний, одаренности, имеющихся в его распоряжении особых внешних средств и т.п.), по древнему принципу “кому дано, с того и спросится”» [там же]. Здесь тоже, скорее всего, имеет место противостояние внутри морали, однако о том, насколько данный пример связан с проблемой морального героизма, судить трудно. Во всяком случае, понятия «герой», «героизм», «подвиг» здесь не используются — ни в основном тексте, ни в примечаниях к нему.

В начале своей поясняющей сноски, о которой уже говорилось, Дробницкий прямо пишет о том, что обсуждает именно героизм и подвижничество («всякое действие, называемое “подвигом”, актом “героизма” или “подвижничества”, имеет такой исключительный, с точки зрения бытующей общей нормы, характер» [там же]). Сноска подтверждает тезис о том, что для ученого моральный героизм существует в связи с индивидуализацией моральных требований («это один из случаев того, как всеобщее моральное требование превращается в особенное» [там же]). Здесь Дробницкий кратко раскрывает свое видение механизма морального героизма: это изменение баланса прав и обязанностей, законного собственного интереса агента и его готовности им поступиться; «в таком действии происходит отклонение от обычной меры соответствия между общепризнанными правами и обязанностями индивидов (в пользу увеличения последних при добровольном отказе от некоторых общепринятых прав), между утверждением собственного интереса и самоотречением (вплоть до жертвования жизнью), происходит повышение меры ответственности субъекта действия»

[там же]. И наконец, в сноске содержится утверждение о том, что героизм не теряет своей природы, когда становится массовым [там же].

В монографии теоретический анализ феномена героизма осуществляется в ходе разрешения проблемы, которая обозначена Дробницким как «соотношение в нравственности особенного и всеобщего» [Дробницкий, 1974: 273]. Здесь уже очевидно, что героическое поведение противопоставляется не просто массовому поведению как таковому или поведению, ставшему массовым в силу воспроизведения обычаев, а такому, которое приобретает массовость в связи с действием самой по себе моральной регуляции. Вместе с тем читатель монографии не может не заметить, что для Дробницкого моральный героизм присутствует не в области поступков, совершение которых, несмотря на их высокую моральную ценность, отдано на усмотрение агента (именно такими поступками являются сверхобязательные действия). По прямому утверждению автора монографии, героическое действие есть выполнение требования, оно одновременно «морально должное и ценное». «В структуре моральных отношений, — пишет он, — подчас возникает такое положение вещей, когда индивид является исполнителем совершенно особых, уникально неповторимых *требований*, которые по самому своему существу не могут стать общепринятой нормой поведения. Действия, совершаемые в какой-то исключительной ситуации, в критических или крайних обстоятельствах, являющиеся актом подвига, индивидуального или группового героизма, полного самопожертвования, выступают как *морально должные и ценные*, но в обычных, “средних” условиях общей нормой не становятся» (курсив мой. — А.П.) [там же: 299].

Проблемой при этом оказывается совмещение особых требований, порожденных крайними обстоятельствами, с упоминаемым и в диссертации, и в монографии древним принципом «кому дано, с того да спросится» [Дробницкий, 1969: 239; 1974: 299]. К примеру, если дополнительная в сравнении с «общепринятой нормой» требовательность морали, порожденная крайними обстоятельствами, окажется не по силам человеку, которому мало «дано», будет ли он правомерным объектом моральных санкций и самоосуждения? На этот вопрос в текстах Дробницкого ответа не содержится.

И еще один аспект морального героизма у Дробницкого. Герой у него — это не просто тот, кто сталкивается с повышенными моральными требованиями и оказывается способен их выполнить. Моральный героизм определяется не только самим по себе масштабом жертвы героя или подвижника, его отказом от части собственных прав. Конечно, этого может быть вполне достаточно для признания какого-то конкретного действия подвигом, но

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

* * *

40

обладающих высочайшей моральной ценностью, но не являющихся долгом. То обстоятельство, что Дробницкий не принимает или, вернее, даже не рассматривает моральный героизм в такой перспективе, связано с его жестким императивизмом, позицией, которая не допускает самостоятельной мотивирующей роли моральных ценностей. Ценностный момент морали для философа либо подчинен должностователю, либо неразрывно связан с ним. Данная теоретическая позиция создает определенные проблемы в части, касающейся точности феноменологического описания морального опыта. Совершение подвига в большинстве случаев не вменяется моральному агенту другими людьми. Кроме того, моральный героизм связан не только с исключительными ситуациями, которые складываются независимо от воли морального героя, но и с собственным выбором последнего, с концентрацией его внимания на бедах и страданиях других людей (а их хватает и в нормальном течении общественной жизни). Такую концентрацию вряд ли можно считать исполнением обязанности даже при всех допущениях, что связаны с упоминаемой Дробницким трансформацией общеобязательного в пространстве морального героизма.

Однако предложенный Дробницким вариант понимания морального героизма имеет и свои преимущества. Он не подвержен противоречиям, возникающим в связи с использованием понятия «сверхобязательное». Так, у сторонников позиции Дробницкого нет необходимости признавать существование неуниверсальных проявлений морали. Для них признание возможности морального героизма не противоречит строго универсалистской позиции в этике. К тому же сторонники позиции Дробницкого имеют возможность не рассматривать в качестве иллюзии или простого проявления скромности то обстоятельство, что сам моральный герой, как правило, видит в своих действиях исполнение долга. Ведь для них героические действия имеют именно этот статус не только с точки зрения самого героя, но и в свете проведенного ими теоретического анализа. Наконец, солидаризирующимся с Дробницким в решении проблемы морального героизма теоретикам не придется объяснять, каким образом, признавая нечто морально ценным, можно одновременно утверждать, что оно не должно существовать с необходимостью, а все люди доброй воли не должны способствовать его воплощению в реальности. С этой точки зрения должное и ценное так же неразрывно связаны в героической моральной практике, как и в негероической.

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

The Problem of Moral Heroism in O.G. Drobnietskii's Ethics

Andrey V. Prokofyev

DSc in Philosophy, Chief Research Fellow of the Department of Ethics.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

ORCID: 0000-0001-5015-8226

avprok2006@mail.ru

Abstract. The solution of the problem of moral heroism by the famous Soviet ethicist O.G. Drobnietskii is analyzed. The essence of the problem lies in the fact that the value-normative content of morality is traditionally interpreted as universal, though moral heroism paradoxically implies performing exceptional acts or leading an exceptional way of life (separate heroic deeds or long-term altruistic service). In contemporary ethics, moral heroism is characterized primarily as a form of supererogatory behavior, i.e., having high moral value but not obligatory. The existence of such behavior is explained by the mismatch between the two moral classifications of actions: deontic and axiological. For critics of supererogation, allowing this mismatch is identical with ignoring the obvious good-ought tie-up. Drobnietskii holds a position similar to that of the critics of supererogation. For him, the ought-moment of morality has an absolute priority over the value-moment. It follows that, for him, it is impossible to identify an action as morally positive, promoting the moral good and not consider it a fulfillment of some requirement (an obligatory one). The idea of supererogation is incompatible with Drobnietskii's strict universalism, objectivism and imperativism. However, he considers moral heroism to be a real phenomenon and a product of the individualization of moral requirements. Drobnietskii understands moral heroism and selfless devotion to a cause as transformations of general moral duty in special, extreme circumstances. A moral hero fulfils some additional obligations and surrenders some of his rights, and he is also able to act in situations where implementing moral principles requires self-sacrifice, but does not entail obvious morally significant results in the short-term perspective.

Keywords: morality, ethics, moral heroism, selfless devotion to a cause, supererogation, good, value, duty, O.G. Drobnietskii.

For citation: Prokofyev A.V. The Problem of Moral Heroism in O.G. Drobnietskii's Ethics // Chelovek. 2024. Vol. 35, N 3. P. 24–43. DOI: 10.31857/S0236200724030023

Литература/References

Дробницкий О.Г. Моральное сознание: Вопросы специфики, природы, логики и структуры нравственности. Критика буржуазных концепций морали: дис. ... д-ра филос. наук. М.: Ин-т философии АН СССР, 1969.

Drobnitskii O.G. *Moral'noe soznanie: Voprosy spetsifiki, prirody, logiki i struktury нравственности. Kritika burzhuznykh kontseptsii morali: dis. ... d-ra filos. nauk* [Moral Consciousness: Specificity, Nature, Logic, and Structure of Morality. Criticism of Bourgeois Concepts of Morality: Diss. ... DSc, Philosophy]. Moscow: Institute of Philosophy of the USSR Academy of Sciences Publ., 1969.

Дробницкий О.Г. Научная истина и моральное добро // Наука и нравственность: Сб. ст. / сост. В.И. Толстых. М.: Политиздат, 1971. С. 268–322.

Drobnitskii O.G. *Nauchnaya istina i moral'noe dobro* [Scientific Truth and Moral Good]. *Nauka i нравственность: Sbornik statei* [Science and Morality: Digest of Articles], compil. by V.I. Tolstykh. Moscow: Politizdat Publ., 1971. С. 268–322.

Дробницкий О.Г. Подвижничество // Словарь по этике / под. ред. О.Г. Дробницкого, И.С. Кона. М.: Политиздат, 1970. С. 238–240.

Drobnitskii O.G. *Podvizhnichestvo* [Selfless Devotion to a Cause]. *Slovar' po etike* [The Dictionary of Ethics], ed. by O.G. Drobnitskii, I.S. Kon. Moscow: Politizdat Publ., 1970. P. 238–240.

Дробницкий О.Г. Понятие морали: Историко-критический очерк. М.: Наука, 1974.

Drobnitskii O.G. *Ponyatie morali: Istoriko-kriticheskii ocherk* [The Concept of Morality: Historical-Critical Essay]. Moscow: Nauka Publ., 1974.

Дробницкий О.Г. Структура морального сознания // Дробницкий О.Г. Проблемы нравственности / отв. ред. Т.А. Кузьмина. М.: Наука, 1977. С. 39–70.

Drobnitskii O.G. *Struktura moral'nogo soznaniya* [The Structure of Moral Consciousness]. Drobnitskii O.G. *Problemy нравственности* [The Problems of Morality], execut. ed. T.A. Kuz'mina. Moscow: Nauka Publ., 1977. P. 39–70.

Прокофьев А.В. Моральная универсальность и феномен сверхобязательных действий // Человек. 2022. Т. 33, № 4. С. 148–164.

Prokofyev A.V. *Moral'naya universal'nost' i fenomen sverkhobyazatel'nykh deistvii* [Moral Universality and the Phenomenon of Supererogatory Acts]. *Chelovek*. 2022. Vol. 33, N 4. P. 148–164.

Apressyan R.* The Concept of Universality in Oleg Drobnitskii's Moral Philosophy. *Studies in East European Thought*. 2021. Vol. 73, N 1. P. 95–112.

Archer A., Ridge M. The Heroism Paradox: Another Paradox of Supererogation. *Philosophical Studies*. 2015. Vol. 172, N 6. P. 1575–1592.

Flescher A.M. *Heroes, Saints, and Ordinary Morality*. Washington, DC: Georgetown University Press, 2003.

Heyd D. *Supererogation: Its Status in Ethical Theory*. New York: Cambridge University Press, 1982.

Mellema G. *Beyond the Call of Duty: Supererogation, Obligation, and Offence*. Albany: SUNY Press, 1991.

Urmson J.O. Saints and Heroes. *Essays in Moral Philosophy*, ed. by A.I. Melden. Seattle: University of Washington Press, 1958. P. 198–216.

А.В. Прокофьев
Проблема морального героизма в этике
О.Г. Дробницкого

* В 2022 году включен Министерством юстиции РФ в реестр иностранных агентов.